

рый у других составляет время отдохновения от работ для восстановления духа? До постоянного времени он бодрствовал сверх сил человеческих. Обыкновенно он жаловался, что никогда не теряет столько времени, как за спом, и находит довольно верным сравнение сна со смертью: как в глазах людей спящие кажутся мертвыми, так мертвые бывают спящими для Бога. Посему, когда он слышал, что монахи сильно храпели во сне или неприлично лежали, то он с трудом переносил то и обвинял его в том, что он спит как плотский и земной человек. У него же при легкой пище и сон был легко; ни в том, ни в другом отношении он не допускал пресыщения для тела, и ему было достаточно поемпогу и того и другого. Он никогда не понимал удовольствия удовлетворить аппетит, призывающий его к пище, и сл из одного страха прийти в расслабление; приступая к еде, прежде чем сесть за стол, он насыщался одной мыслью о яствах, а потому и шел к столу как на казнь. С той поры, как он облекся в схиму, или как вышел из кельи послушников, его силы (а он был всегда нежного сложения) были уже истощены бедением и постами, холодом, трудом и тяжкими, непрерывными упражнениями; желудок его был так испорчен, что он немедленно извергал ртом еще не переваренную пищу. Если случайно иное успевало перевариться и силой природы выходило естественно, то при слабости нижних частей тела и это делалось с величайшими страданиями. Пища не столько поддерживала его жизнь, сколько отсрочивала смерть. После стола он обыкновенно замечал, сколько он съел, и не мог безнаказанно выступить из пределов принятой порции; воздержание сделалось до того его природой, что если ему случалось иногда съесть что-нибудь сверх обыкновенного приема пищи, то это удавалось ему с трудом. Таким образом, он был послушником среди послушников, монахом среди монахов, сильный духом и слабый телом, ограничивая плоть и покоем, и пищей, не давая себе отдыха от работ и черпого труда. Он считал других святыми и совершенными и полагал, что для него, как для послушника, несобходимы не льготы и снисхождение,

дозволенное людям заслуженным и усовершенствовавшимся, но весь жар новичка и все строгости устава и беспощадность дисциплины.

Потому, ревнуя об общей жизни, когда братия занималась ручными работами, к которым он не имел привычки или ловкости, он старался вознаградить то, роя землю, рубя дрова и нося их на своих плечах, или другой какой-либо работой. Когда ему не доставало на то сил, он прибегал к самым презренным занятиям и заменял тяжесть труда самоуничижением. И что удивительно, тот, кто был паделеп даром созерцания духовных предметов и божественных, не только желал заниматься подобными грязными работами, но и чрезвычайно был тем доволен... За работой он молился и внутренне размышлял, не прерывая внешнего труда, и работал извне без уцерб наслаждению внутренним созерцанием: до сих пор все, что он ни читал в Св. Писании, и все, что ни представлял себе духовно, все это ему приходило на мысль среди молитвы и размышлений на полях и в лесах, почему он обыкновенно и говаривал своим друзьям, шутя с любовью, что он никогда не имел других учителей, кроме дубов и буковых деревьев. Во время жатвы братия с жаром и радостью о Св. Духе занималась уборкой хлеба; так как он был не в состоянии принять участие в такой работе и ничего в ней не понимал, то ему предлагали посидеть и отдохнуть; огорчаемый тем, он прибегал к молитве и просил Бога со слезами даровать ему способность к жатве. Простота веры не обманула святого, и он получил желаемое. С тех пор он гордился тем, что более других ловок в этой работе, и во время ее тем охотнее предавался молитве, ибо помнил, что способность к ней он получил от Бога...

V. Когда сделалось угодно Тому, кто извлек Бернарда из мира, прославиться в нем новыми милостями и соединить в Сито большое множество сынов Божьих, Бог вложил в сердце аббата Стефана намерение отпратить часть своей братии для основания монастыря Клерво. Аббат Стефан поставил Бернарда владыкой и аббатом тех, которые были отпращены им, и все чрезвычайно изумились такому назначению; как